

Вера САВЧЕНКО

1. Рождественская сказка

В зимние вечера, когда тихо, будто падающий снег, приближаются рождественские и новогодние праздники, дома и улицы города преображаются и приобретают сказочную праздничность... Зажигаются огни, мерцают свечи... Наверняка в заснеженных мешках Санта Клаусов и Дедов Морозов среди сверкающих игрушек и украшений таятся маленькие изящные флакончики, из которых исходит на всех нас — и малых, и великих — особый дух детства и веры в чудеса. В одном месте его можно было определенно ощутить. Это выставка Ольги Котовой в арт-кофейне "Salieri", где в период рождественско-новогодних праздников благодаря работам художницы и общей празднично-уютной атмосфере можно было вдохнуть чудесный букет из ароматов детства, нежности и тайны.

Ольга Котова, несомненно, является одним из лидеров поколения, выступившего на авансцену искусства в 90-е годы XX века. Это

молодой и, тем не менее, хорошо узнаваемый, сформировавшийся автор, со своим индивидуальным почерком и лицом.

Сегодня Ольга находится в расцвете творческих возможностей, плодотворно работает, пишет, активно выставляет произведения в групповых и персональных экспозициях, раскрывая свой многосторонний потенциал. Этому способствует и большая школа, разнообразная подготовка художницы (в Одессе учеба в Грековке и Академии художеств им. Леонардо да Винчи, в Южно-украинском педагогическом университете, а кроме того в Афинской академии искусств, на стажировке в Париже, в Киеве, в связи с аспирантурой — у известного украинского историка искусства Д.Е. Горбачева), и ее яркие индивидуальные качества.

О. Котова может сегодня представлять не только талантливые живописные и графические работы. Нередко она выступает и как арт-критик (напомню о том, что в 2009 году

художница защитила кандидатскую диссертацию по искусствоведению). Человек с богатым внутренним миром, она раскрывается и как вдумчивый аналитик искусства, и как его поэт (например, с точными образными "заметками на полях" своих размышлений о художественном творчестве).

Однако вернемся к выставке О. Котовой, в связи с которой возник разговор. Она особая, камерная и интимная. Здесь далеко не вся Ольга — живописец, но в то же время эти работы (около 30) представляют художницу довольно объемно.

Характерной чертой ее творчества является разнообразие — богатство тем, жанров, техник, которым она открыта, с которыми легко и свободно обращается (недаром в ее послужном списке немало почетных наград и премий за участие в ряде репрезентативных конкурсов и выставок).

И в данной экспозиции Ольга представила холсты и доски, натюрморты и пейзажи, фи-

гурные композиции и своеобразные типы-портреты. Когда смотришь на эти работы, явственно ощущаешь вовлеченность в сложный многоплановый диалог с художественно-культурными мирами, с Мастерами прошлого и настоящего, в котором у Котовой звучат собственные интонации, чувствуется свой взгляд на мир... Одесские мастера — Егоров, Слешинский, Хрущ, а с другой стороны, мировое искусство, в частности, одни из самых любимых Веласкес и Модильяни, дают Ольге возможность создавать теперь уже свои замечательные образы.

Многие из них овеяны духом литературы, лирикой и романтизмом, прочно связавшими художницу с "Алыми парусами" Грина и, возможно, сказками Андерсена, с их прозой и волшебством, печалью и просветленностью, внешней простотой и мудростью...

Работы этой выставки, словно таинственное вальсирование фантазии художницы, плавными взмахами преображающей привычные и обыденные вещи — стул, вешалку или ветку засушенных роз, старинную фотографию или чашку с молочником, череду зимних припорошенных снегом крыш. В каждой из них мерцает свет рождественско-новогодней сказки, в которой мы, как некогда, много-много лет назад, вновь обретаем способность верить чуду.

2. Саша Дмитриев: "эстет" и "миротворец"

В последние дни минувшего года ушел из жизни известный одесский художник, керамист, скульптор, живописец А.В. Дмитриев, ему было 67. Умер в больнице, неожиданно для всех... Его кончина невосполнима не только для многих одесситов, его хорошо знали и о нем искренне скорбят и в других городах Украины, в ближнем и дальнем зарубежье.

Профессиональные заслуги мастера, "эстета" высшей пробы, были отмечены при жизни. Хотя, несомненно, в меньшей мере по сравнению с тем, что он сделал. И даже присвоение звания заслуженного деятеля искусств Украины не состоялось из-за внезапной смерти. Скромный и интеллигентный, он никогда не расталкивал локтями своих ближних и дальних, и потому награды и привилегии оказались, в общем-то, вне его жизненного пути. Хотя, по большому

счету, он не слишком стремился к их получению, то есть это никогда не было для него самоцелью. Гораздо больше художника волновала погруженность в творческий процесс, освоение разнообразных его сторон, открытие новых граней жизни... Помимо разных видов изобразительного искусства, где он проявил себя профессионально, его увлекала поэзия, музыка, кино, археология...

Вдумчивый полный анализ созданных им произведений еще предстоит, им было сделано немало, и нам следует внимательно отнестись к этому наследию. Но сейчас, пока свежа память, хотелось бы сказать об Александре Владимировиче как о человеке.

Дмитриев был большим эрудитом, знатоком различных областей человеческой деятельности, многим интересовался и многое умел делать сам. Наверно, широ-

та диапазона его собственных дарований обеспечивала ему замечательную открытость другим, глубокую искреннюю доброжелательность и способность нести свет, мир, участие в полную всяческих несовершенств реальность.

Он был вполне светским и земным человеком. Ценил вкусную пищу и напитки, ему нравилось самому готовить, он любил и умел танцевать, шутить, лукаво подтрунивать... В Александре Владимировиче не было ни грамма пафосности, даже наоборот... И при всем том сейчас видишь, как в этом веселом легком джентльмене явственно проступали черты... миротворца.

Он мог принять и вмести в себя, в свою душу многое и многих. В артистической среде, где болезненная амбициозность, зависть и соперничество, увы, столь часты, Дмитриев занимал позицию удивительной чистоты

и бескорыстности. Художники-профессионалы говорят о том, с какой щедростью он делился тем, что знал и умел. Причем с ним так было всегда, и его ничуть не изменили новые условия и правила жизни. С каким подлинным великодушием он относился к молодым, искренне радовался их успехам! Будучи мягким и неконфликтным человеком, с каким тактом и одновременно принципиальностью он становился на защиту других...

Дмитриев был той редкой личностью, которая проявляла внимание и сочувствие к другому, не потому что так предостроено правилами вежливости, или, тем более, не потому что это могло принести ему какую-либо личную выгоду, а оттого что он по-настоящему искренне любил людей. С ним хотелось делиться и трудные, и радостные моменты жизни. И в этом состоял его большой человеческий талант...

3. "Быть свободным и не лгать себе"

Министерством культуры Украины было принято решение о том, что в этом году на Венецианском бьеннале нашу страну будет представлять одесситка Оксана Мась. Ее проект — гигантская инсталляция фрагмента Гентского алтаря, составленная из крашенных яиц-писанок. В прошлом году художница создавала из этих же элементов лик Богоматери... Проект имел широкую огласку, был показан во многих странах мира. Благодаря Интернету его могли обсуждать все, чье внимание он привлек... В определенном смысле символичным было обращение к нему студентов философского факультета одесского университета в арт-проекте "Образ мысли", поскольку сама О. Мась немногими годами ранее именно здесь получала высшее образование.

Вообще, Оксана Мась, сохраняя верность Одессе, уже достаточно давно работает и проводит значительную часть времени не только в Москве, где она тесно связана с "Айдан-галереями", но и во многих городах Европы и Америки. Еще два года назад, когда у нас состоялась примерно четырехчасовая беседа, художница рассказывала о своей жизни, путешествиях как неотъемлемой ее части, пребываниях в самых отдаленных точках земли.

Итак, свою включенность, я бы даже сказала, инкорпорированность в мировой арт-процесс Оксана Мась оценивает очень спокойно и как что-то само собой разумеющееся. Гораздо большим чудом и удачей с подлинно философским отношением она считает момент и факт своего рождения. "Из миллиона вероятий", — как писал А.Тарковский, "из бесчисленного множества возможных соединений сперматозоидов и яйцеклеток родителей, — говорит О. Мась, — шанс появиться на свет и прожить жизнь выпал именно мне, а не кому-либо из моих потенциальных братьев или сестер".

Художник — это, прежде всего, тот, кто видит и чувствует нечто гораздо острее, нежели остальные. Думаю, что для Оксаны Мась глубокое осознание и переживание уникальности жизни, ее возникновения и индивидуального развития — есть одна из самых главных тем, неотступно волнующих ее творческое сознание. Но во многом это и стержневая составляющая ее жизненных ценностей и установок.

Я расспрашивала художницу о детстве. Ее отец — инженер-конструктор, получивший огромное количество наград за собственные изобретения. Видимо, именно тогда в подсознании формировалось и закладывалось убеждение: "Для меня нет ничего невозможного". За свой пока еще не очень долгий век Оксана уже очень много путешествовала: она побывала в более чем пятидесяти странах, в том числе в очень экзотических местах, поднялась на высоту 5000 м на Тибете. Вероятно, отсюда проистекает не только естественность ее ощущения себя в любой точке земного шара, но и внутренне не стесненная и не отчужденная космическими расстояниями размышление о пребывании человека далеко за пределами сферы земной оболочки. Кстати, это дает импульс ее неортуристским художественным исследованиям кинетизма в серии "Драйв".

Сегодня творчество Оксаны Мась — это, бесспорно, плоть от плоти "contemporary art". Однако, что особенно ценно, она не просто представляет это искусство, но, думаю, что и в значительной степени моделирует его настоящее и возможные будущие проекции. Очень многое в "contemporary art" питается постмодернистской иронией, зачастую переходящей грань цинизма и нивелирования всех существующих человеческих ценностей. Это дробящиеся до бесконечности образы пересмешничества. У Оксаны же есть другое, и для нее самой, и для нас более глубокое и важное. Большинство постмодернистских произведений можно рассматривать и оценивать в эстетическом диапазоне "прикольно — неприкольно". Не умаляя как таковой возможной философической нагруженности и весомости этого критерия и не обсуждая его значимость в данном случае вообще, отметим, что у Оксаны Мась помимо "приколов", точно подмеченных несовпадений смысла и формы, мы видим и другое. Здесь присутствует серьезность. Не угрюмая и тяжеловесная, напротив, порой даже внешне нарочито легкая, будто случайная, небрежная и спонтанно изменяющаяся. В этом "вся Оксана", начиная с размашистых мазков на холстах огромных форматов, которые для нее, к слову, производят в индивидуальном порядке, поскольку "другие художники в Украине так не пишут". Тут и покрытие лаком, создающее множественность, фактурную импуль-

сивность, и в то же время размытость поверхностей. И словно выпростывающиеся из многочисленных оболочек персонажи в инсталляциях с прорванной и грубо сколоченной целлюлоидной пленкой. И фигуры или части тела, например, ладонь, обретающие изобразительную плоть из сплетения бесчисленных тонких линий-нитей. И даже две устремленные вверх женские ноги, вдруг увиденные как стрелки часов, во "Времени по Гринвичу".

Она очень креативна, чрезвычайно трудолюбива и трудолюбива. Постоянно движется вперед, пробуя воплощать волнующие ее мысли и чувства в новых техниках и формах, неустанно сочиняя, комбинируя и расширяя своими изобретениями "лексикон" современного искусства.

Ощущение хрупкости жизни, трепетности ее дыхания органично раскрывается в частом обращении к теме детства, в мотивах повседневно мимолетности, фиксируемой, будто вспышкой фотоаппарата, и в рывке фигуры, метнувшейся к окну, и в случайных касаниях встреч, и в неумолимых разрывах, разбрасывающих людей с бешеной скоростью. Но это и спящий где-то на городской площади, а может, уже ушедший в иной мир гуру, ставший абсолютно соприродным птицам, окружившим его голубям. Или, как птички следы на снегу, тонко-графичные столбики человеческих теней, с черно-белой предельной четкостью схваченные мгновением.

Любопытно, как в ультрасовременных работах Оксаны Мась нет-нет да проступают ее творчески-исторические корни — южнорусской школы, продолженные "костандидеями", а потом и следующими поколениями одесских мастеров, многие из которых преподавали в Грековке, где в 90-е училась будущая художница. Помимо любви к цвету и нередкому обращению к постановке колористических задач в сочной палитре приморского побережья у Оксаны, в отличие от многих других "актуальных" художников, есть еще и гуманное, антропоморфное измерение ее искусства, что было так свойственно лучшим традициям одесской школы в ее истоках и развитии.

И даже анализируя такие жестоко-брутальные объекты, которые представляет Оксана Мась в "Феномене эпидермизма", я склонна усматривать в них "человеч-

ность", или точнее, завуалированное под умелой бутафорской имитацией тела побуждение к человеческому в нас. При этом я готова спорить с авторитетным арт-критиком Марией Кравцовой в том, что "Мась очеловечивает машину... Это уже не бездушный механизм, а нечто, облеченное в настоящую плоть, наделенное душой и обладающее индивидуальным характером". По-моему, все прямо противоположно. Это ближе к В. Бутусову, пропевшему о том, что "колеса любви проедут по нам" и "нас наматает на колеса любви". Только то, что определенным образом существует в словесной форме, в визуально-пространственной обретаем совсем иной характер. У Оксаны Мась эти колеса жуткие, натуралистически шокирующие. Да, она может использовать и такой язык. Она не боится быть свободной, вольной от чьих-либо мнений, поэтому пробует, изменяется и обретает себя в новом качестве.

Оксана Мась во многом "self-made", как говорят англичане. Она "делает себя" постоянно, ежедневным напряженным трудом и большой самоотдачей, веря в себя и понимая последствия "зарывания таланта в землю". Поэтому так остро она ощущает эту проблему и в отношении других, тех, кто психически и духовно вопиет о своей сегодняшней раздавленности — личности или творческой несостоятельности. Возможно, об этом же с пронзительным криком говорят образы художницы — части человеческого тела, "оторвавшиеся" от самого человека.

Об этом же и "Пересадка сердца". В наш век все становится синтетическим, благодаря успехам медицины мы научились продлевать жизнь с помощью искусственных органов. Но сплошь и рядом мы закупориваем себя, свои сердца и души в иных искусственных оболочках — очень красивых, стильно-модных, сверкающих стразами, но превращающих нас из живых, способных развиваться, тянуться к свету и воздуху, в оформленные согласно новейшим дизайнерским находкам машины и механизмы.

Внимание к "внутреннему" человеку позволило Оксане сформулировать одно из важнейших жизненных правил: "Быть свободным и не лгать себе". То, чего художница добилась уже сегодня, делает звучание этих слов еще более убедительным.